

Библиотечка Сумрака

Литературно-художественное издание

Анна Ивановна Мамаенко
НЕКРОПОЛЬ ЕРЕТИКОВ

(сборник стихов)

Выпуск 7/2011.

Координатор библиотечки
Алексей Передерев
Редактор
Анна Мамаенко
Верстка
Аскольд Пивень
Обложка фото Ю.Наумов
Рисунки автора.

Библиотечка Сумрака выпуск 7

Анна МАМАЕНКО

**НЕКРОПОЛЬ
ЕРЕТИКОВ**

Подписано в печать 22.11.2011.

Формат 84x108 1/32. Печать цифровая.

Бумага типографская №1. Тираж коллекционный.

Заказ № 111. Цена свободная.

Макет и печать Редакция альманах «Сумрачный гений»,

e-mail: sumrakgen@yandex.ru

350000, г.Краснодар, ул. Рашилевская, 87.

Редакция альманаха «Сумрачный гений»

КРАСНОДАР

2011.

УДК 82-1
ББК 84(2РОС=РУС)4
М22

«Библиотечка Сумрака»
Выпуск 7/2011.

СБОРНИК СТИХОВ

Координатор библиотечки
Алексей Передерев
Редактор
Анна Мамаенко
Верстка
Аскольд Пивень
Обложка фото Ю.Наумов
Рисунки автора.

Мамаенко А.
М 22 Некрополь еретиков. /сборник стихов/ - Краснодар:
Редакция «Сумрачный гений», 2011. - 84 с. иллюстрации.

Интеллектуальная собственность.
Авторские права соблюдены.

© A.Мамаенко, 2011
© Редакция «Сумрачный гений», 2011

перевоз

С.Чумакову

Лифт грузовой. Механическая ладья
с усталым Хароном внутри.
Снизу – вверх, сверху – вниз, из Аида в Аид...
Дверь замыкается с лязгом, отсекая влажные души
от внешней – ревущей, хохочущей,
в берега молотящейся жизни.
Отцеженный свет сквозь пыльных решёток слои.
Квадратики тени и света – шахматы с Богом.
Всегда неминуемый мат,
шелушащий промозглые стены.
Харон нажимает на кнопку
и раз в месяц
получает плату за перевоз
в бухгалтерии пыльной.
Цербер вышел в отставку.
Три головы – слишком умный.
По заплётенному коридору
тащатся души
и тщатся увидеть – куда их...
По берегам – только урны
с прахом усопших окурков.
За пыльным окном – пух тополей –
теперь дефицит асфоделей.
Аид неприкаянный бродит по лестницам тёмным
в полной безвестности.
В его кабинете – ремонт,
и ворохи дел пожелтевших
волнутся, падая на пол с изрезанной крышки стола.
В канцеляриях – тихо.
И только над дверью
двусторчатой,
словно раковина-жемчужница,
светится странное –
ДОХЫЙ.

некрополь еретиков

Таинственно тихо в потёмках
подземного кладбища еретиков.
Ни дождь, ни мерцающий снег
не доходят сюда сквозь сомкнутые створы.
Господь отвернулся,
украдкою пряча
покрасневший
растерянный взгляд.
Колодезные отшельники.
Кленовых листов хироманты.
Теперь вы спокойны,
и всполохи дальних огней
всё новых и новых костров
vas уже не тревожат.
Не ваши хрупкие кости дробит
очередной
усовершенствованный
«Молот ведьм»...
А здесь – только стены,
кирпич на кирпич, тело на тело.
Неподвижность доказанных истин.
Вы – были. О вас безнадёжно забыли.
Огарки свечей съели мыши столетье назад.
Лишь капли тугие упрямо сползают
по сводчатым стенам,
стремясь к Океану,
который по-прежнему ясно
покоится на трёх китах,
а те – на одной черепахе,
чей сводчатый панцирь –
подземное кладбище
еретиков

В ГОСТИ К АННЕ

За что любят поэта? А за то, что можно найти только у него. Но именно это дано не каждому из пишущих, это всегда редкость. Особенно в наши дни, когда страна Поэзии густо заселена, когда кажется – у неё всё найдётся, только руку протянни. Недавно даже один литераторовед объявил, что ничего нового в поэзии уже произойти не может, возможности исчерпаны... Так, да не так. Своё, неповторимое лицо – врожденное свойство таланта. И пусть возможности тесны, всё равно личность пробивается, как росток сквозь асфальт. Такое чудо, такая воля к жизни и есть новый поэт.

Помню, какое впечатление произвела Анна Мамаенко на первом Форуме молодых писателей России. От ее стихов повеяло чем-то новым, свежим, свободным. Пусть порой туманно, неуловимо, несовершенно. Но так непосредственно, так живо, что нельзя было не откликнуться, не поддаться какому-то необъяснимому обаянию. Цветение молодости? Но прошло время, и Анна сумела сохранить свою свободу, убедить, что ее поэтический почерк – это она сама. В ее таланте какая-то тайна, - всегда ли надо тайны разгадывать? Я не раз испытывал справедливость выражения (применительно к искусству) – «непонятно, но здорово!» Потому не вижу смысла доискиваться откуда что берётся у Анны Мамаенко, скажу несколько слов о том, что получилось, состоялось, что живёт в её стихах. А живёт в них сказочное восприятие мира удивительно сочетающееся с современной культурой, сновидческий мир под музыкальным управлением вольных и непредсказуемых переходов, стихийных образов. Не надо задумываться над каждой строкой, ища горизонтальный смысл, а надо воспринимать многомерную игру и переливчатость целого.

*В краю полуночных стрекоз,
среди прекрасных суеверий,
брести неведомо куда,
покуда посох не расцвел.
Пока не кончился песок,
что был судьбой тебе отмерян.
Пока Серебряный Стрелок
через ручей не перешел.*

А что касается прямого смысла – (житейского ли, философского ли), то когда поэту требуется, он выступает емко и сильно. Например, прекрасное стихотворение «Дон Кихот и его команда». Или трогательное «Вагоновожатый», - слегка фантастическое, но запоминающееся, убедительное:

*Ветер разносит письма по выбывшим адресатам.
Вороны в серых жилетах важничают в траве.
Погонщик трамваев опять ведёт караван куда-то,
и паутинка трепещет на мятом его рукаве.*

Такое начало, что сразу хочется читать дальше, читать с ностальгическим состраданием к человеку, жизненный маршрут которого – неизменные рельсы, а в несбыточных мечтах у него – все дороги и страны мира...

Вот потому и приглашаю вас – откройте книжку Анны Мамаенко, читайте!

Кирилл Ковальджи

Москва, 2011.

зов последней ступени

На городских воротах голова
Луну встречает дымными глазами...
Смеркается... Из глиняных могил
змеится ветер и кусает небо...
В кромешных окнах между занавесок
медовые внимательные щели...
Луна пасётся в трещинах коры,
наполненных молочной паутиной...
Низину глубоко покрыл туман...
Лишь факельное шествие гнилушек
ступени отворяет в темноту.
Идущих ждёт последняя ступень.
Но – трещина в ступени предпоследней
живёт и вьёт гнездо из недошедших.
Здесь разразится чёрное яйцо...
Стучатся кости полые... Камыш...
Река по рукоять вонзилась в море...
Я – глина влажная, впитавшая прибой.
Вращается Луна гончарным кругом.
Кувшин наполнен голосом моим:
«Слепи меня. Я поднимусь во сне,
чтоб научить утиный выводок полёту,
а муху – попадать в паучью сеть.
Свети, чтобы меня не миновало.
Мне с ними быть, когда ударит гром.
В распаханную грозовую реку
упасть зерном. Стать кораблем, в котором
из языков заветного костра
совьётся обречённый шёпот Бога,
и поплывёт с заката на восток,
туда, где никогда не будет поздно...»

Зови меня, последняя ступень!»

конец буратино

Сломанный Буратино становится смирным.
«Я продал азбуку. Я больше не буду.
Дай мне спички, я сам справлюсь.
На этот раз всё будет быстро»

Сломанный Буратино в углу на коленях.
Ему не больно и уже не страшно.
Только там, где должно быть сердце,
сучок смолистый, заноза – суха.

Папа Карло его не слышит.
Любимый папа занят делом –
выстругиванием нового Буратино,
вместо неудавшегося экземпляра.

В углу Буратино тихонько стонет.
К нему подбирается голодная крыса.
Буратино очень хочется плакать.
Но он не может. Он просто кукла.

«Папа, папуля, папочка милый...»
Но Карло занят своей работой.
Он делает нового Буратино,
послушного, сильного и немого.

«Папочка, миленький, дай мне спички»
«Нет, сыночек, возьми стамеску,
сам из себя настрогай, будь ласков,
серой покрой и ползи к камину»

Завтра Пьеро, Артемон и Мальвина
придут проводить больного друга.
А Папа Карло с доброй улыбкой
им скажет: «Такой никогда не жил здесь.

Вы ошибаетесь, милые дети,
нельзя из полена сделать мальчишку.
Да и вообще, вам пора в кроватки.
Спите спокойно. Чудес не бывает»

= УЗЈУК ЗАМКА ТИФ =

* * *

В краю полуночных стрекоз,
среди прекрасных суеверий,
брести неведомо куда,
покуда посох не расцвел.
Пока не кончился песок,
что был судьбой тебе отмерян.
Пока Серебряный Стрелок
через ручей не перешёл.

В краю разрушенных преград,
поросших музыкой древесной,
птенец реликтовых кровей
покинет лунное гнездо.
И, устремившись за тобой,
неважно – пулей или песней,
в твоей доверчивой руке
найдет сомнительный постой.

Нести живое серебро
сквозь толщу вызревшего мрака,
чтоб тихо торкалось в ладонь,
сжигая пальцы до костей.
Чтоб нежность с болью пополам,
до восклицательного знака,
до многоточия следов
в квадрате канувших вестей.

Косноязыкий треск ветвей
за космоликим полубогом.
Лишь окна высохших стрекоз
на вдавленном речном песке.
Смотри – Серебряный Стрелок
сутулясь, вышел на дорогу.
Покойно лунному птенцу
в твоей разжавшейся руке.

* * *

Вывески зябнут на стылом косматом ветру.
Осыпаются буквы, растворяясь в расплыве азбуки.
Значит – новые лозунги прорастут и созреют к утру,
и утрут нам слезы, те, кто идёт привязывать.

Загрохочут трамваи по маршрутам, которых нет,
по булыжным затылкам, исчерченным сетью трещин,
если каменным горлом Города хлынет свет,
заливая всё, не щадя ни детей, ни женщин...

В антрацитовых кущах подвальной сырой тоски,
где зародыши светлых идей подлежат изъятию,
я сижу и кормлю пустоту языком с руки,
веря в то, что она исправится обязательно...

Остаюсь в темноте по ладони сверять маршрут,
выскать «добрый вечер» из кромешной угольной глыбы.
Привожу в себя тех, кто ищет окольный путь,
но они во мне находят свою погибель...

И всё ближе выход, но времени больше нет.
Лишь закатное солнце раздроблено в чёрной витрине,
где в конце тоннеля брезжит неверный свет
и пришедший с миром виснет на пуповине.

Остаётся сидеть на ступенях, ведущих вниз,
между светом и тьмой, между молотом и наковальней,
и тихонько с собою самим говорить «за жизнь»...
Ничего нет светлее.
И нет ничего печальней.

отказные

Здесь их называют просто – доходы...
Голые старики – бесполы, почти бесплотны.
Душевые кабинки или газовые камеры, всё одно.
Всё надо делать вовремя, умирать в том числе.
Сдать свой номерок весёлому гардеробщику,
взять бельё в охапку и дунуть отсюда на фиг,
оставляя мокрые следы на грязном холодном кафеле.
Беспомощная старость – бывшая цветущая молодость.
«Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой...»
Скрыться в глубинном тумане, во влажном яру,
где ягоды ярче и слаще.
На костях всё растёт цепче, быстрее и беспризорней.
Добрая земляника между нагретых камней,
где ящериц юрких глаза и пчёлы в тельняшках.
Туманное море рассеется перед грозой.
Внимательно в облака – голубые глаза старииков,
смирившиеся, безнадёжные, отказные...

путь сказочника

Ночь – паучиное время. Ящеричный июнь.
Лунная падалица раскатится по траве.
Выди в чистое поле, перекрестись да сплюнь.
И поклонись корням – ворону да сове.

Встань на траву примятую, молча прими рассвет.
Долго ли, коротко, путь катится из-под ног.
Вышел на край земли, а там ни рожна нет.
Только дуб на цепи круглый мотает срок.

Вот тебе трин-трава, перекати-район.
Душу свою усмири, да подальше упрячь.
Здесь, где в ночи полёт наших теней батальон,
если сумеешь – пой, если не можешь – плачь.

Прошлого не вернуть, хоть головой об стол.
Ежели на себя с рогатиной не ходил,
Сирином не запел, папоротником не цвел,
и ни одной, дурак, сказки не сочинил.

Полно искать концы, где и начала нет.
Завтра тебя убьют, или же пощадят.
Вороново молоко твой заполняет след.
Испившие из него сказками говорят.

* * *

Птицы кружат над землёй,
но не находят привычного места.
Живородящим словам
в заиленной луже становится тесно.
Лоции все, как одна,
врут о том, что не было рифов.
Тихо цепями звения
идут заложники драных мифов.
Свитки не до конца
лицо своё сохранили в битве.
Огнеупорный метр
сгорал, ибо автору было стыдно.
А мы свято верили в то,
что на острове будут нас ждать сирены.
Но матом благим орал
Гомер, за Шлиманом лезший на стену.
Циклоп возглавляет Союз
писательский, гонит пастьись рапсодов.
Цирцея даёт гонорар,
и зришь свинью, посмотревшись в воду.
Елена Троянская спит,
ей снится внезапное мирное время.
Мифология только миф,
и больше не надо в ногу со всеми...
Больше не надо слов,
не надо мучить себя и близких.
Обидно – в стране живых
героям нельзя получить прописку.
Героям пора в поход,
друг друга рубить по законам жанра.
И наплевать на то,
что травушки малой – и той жалко....
Где твоя Троя, слепец?..
Теперь на троих соображают.
Пенелопа ждёт женихов,
и никого не обижает.
В пыльные глянь глаза
никогда не знавшей тебя Итаке.
Итак – ты вернулся домой.
Итак – растворись во мраке...

выселение

Покинутый дом, как разрушенное гнездо.
Жилец, словно птенец, вылетел слишком рано.
В его комнатах тёмных цепочки мёртвых следов,
свернувшихся ржавой кровью на раковине и в ванной.

Он больше сюда не вернётся, не сделает верный шаг.
Ёлочные игрушки потеряли блеск и потухли.
И гости его беспокойные не будут стоять на ушах,
травя анекдотами и табаком тараканов на кухне.

Он дверь за собою закрыл и забыл ключи
под затёртым ковриком, куда никому не добраться.
Электрический счётчик, как Ворон сушёный, молчит,
и висит «никогда» над пачкою жёлтых квитанций.

На сухом языке между рамами бабочек рой
перешепнётся крыльями от незнакомого ветра,
если срубят замок и войдёт равнодушно чужой,
посрывает картины со стен и затопчет в ковёр сигарету.

И отправятся в плаванье мешки расписных лоскутков.
И звезда на осыпанной ёлке будет вести неумело
мусоров или мусорщиков, словно усталых волхвов,
подтверждать государственным актом
паденье небесного тела.

великий принц

Суворенные сумерки, духи скрытых пустот,
серые от паутины и сонной болезни,
ждут Великого Принца, покуда Луна не взойдёт,
покуда не забряцает панцирь её железный.

Великий Принц приходит из никуда,
чтобы вернуться в великое ниоткуда.
Из его неподвижных глаз струится живая вода.
В мире текущем нет никого, кто его разбудит.

Он восседает на тени Серого Вожака.
Мягкой поступью да по траве стеклянной.
Малую горстку пепла сжимает его рука,
а вместо сердца – в груди открытая рана.

Великий Принц не щадит никого на своём пути,
проникая бесшумно в открытые ветром окна.
И только Лис постаревший, мелькающий впереди,
помнит, как Принц был маленьким

и не таким одиноким...

...И тени бродят промеж развалин
в сквозных проёмах разбитых окон...

Где вместе с травой прорастает память,
зелёным ветром взметая лица,
я прирастаю к земле руками,
чтобы однажды тебе присниться.

Чтобы забытой волшебной сказкой
звёздной пролиться на спящий Город.
Мостиком радужным, вечной Пасхой,
превозмогая тоску и холод.

Так вырастают плоды и птицы,
вскормлены благовестом сирени.
Так возвращаются все убийцы
на место горькое преступленья.

Небесного мамонта лунный бивень
недостижим для земной охоты.
И я не дам, чтоб тебя убили,
хотя не знаю, где ты и кто ты.

Может быть, нас разделяет вечность.
Но глухо в лесу оседают листья.
И я каждый миг выхожу навстречу,
твоим сигналом тревоги вызван.

Однажды рухнет небесный саван,
во всех зеркалах отразясь тобою.
Воздушного змея с твоих окраин
подхватит и выбросит звёздным прибоем.

И в эту минуту я лягу в травы,
и слабые руки крестом раскину,
когда ты тихонечко станешь рядом,
тот, ради кого я засеял пустыню.

странствие

Косматые звёзды. Костры на полях.
Во тьме перепутано вскрикнула птица.
Лишь тополь, весенний сутулый монах,
опять до утра будет ветру молиться.

Распаханный мрак колосится дождём.
Купаются звёзды в подёрнутых лужах.
И тот, кто когда-то был в хлеве рождён,
меж звёзд пробирается, миру не нужен.

Идет, улыбается сам по себе.
А с ним, кто не предал и верен остался –
овца и свинья, петушок на арбе,
осёл в немудрящее впрятся хозяйство.

Всем деткам желают спокойного сна.
Желают окна тем, кто сбылся с дороги.
На всех у них заповедь только одна –
«прорвемся», ведь страннику нужно немного:

терпение ослика, хитрость свиньи,
покорность овцы, петушиная смелость.
Вот так и везут от зари до зари
палитру – раскрашивать мир черно-белый.

А где-то далёкое светит окно
для всех неприютных и брошенных за борт.
Вселенной расступится черное дно,
и выйдет встречать кто-то вечный и слабый.

Он руку протянет, за стол позовёт.
Вскипит самовар и пирог подоспеет.
И больше никто никогда не умрёт.
И даже полиция станет добре.

покаяние

Только колокола звук на просторах мирозданья.
С опустевшей головой между тонкими руками
опуститься и сидеть в ожиданье наказанья,
чтоб, качаясь, хвойный лес бил густыми кулаками.

Между пастбищ и холмов, в опустевшем лабиринте
ожидающих камней, ожидающих стрекоз,
запрокинувши лицо, из груди зверюгу вынуть,
и увидеть мир вокруг, колыхаемый от слёз...

И в часовнях тополей, за зелёным частоколом,
долго пить росистый мёд с увядающей листвы.
Перекличкой петухов в заревых окрестных сёлах
забавляется южак, вьётся подле головы.

Полновесная заря растекается по миру.
Колокольчики коров звонко сыплются в ладонь.
Из евангельского сна слышно петуха – задиру.
Мирно в заливных лугах травку щиплет Бледный Конь...

водопроводный апокалипсис

На площади, среди домов доходных,
в трамвайном звоне по уши всегда,
стоит умелец дел водопроводных,
и вытекает из него вода.

Но вантуз протолкнёт людскую массу,
трамвайные консервы вскроет мгла,
когда водопроводчик трубным гласом
поднимет недостойные тела.

Под небесами цвета незабудок,
в день солнечный, или какой-нибудь,
водопроводчик прорубит побудку
в канализационную трубу.

И поведёт устало и небрито
за край земли, где никаких удобств,
болельщиков «Динамо» и «Зенита»,
и прочий люд, навозивший погост.

И всяк в его очах себя узнает.
И я, бесспорно, буду среди тех,
кто, словно крыса, к берегу причалит,
плывя победоносно брюхом вверх.

прикосновение к дороге

Глаза огня, подёрнутые пеплом.
Развёрнутые свитки возвращений
так бережно хранят тепло скучое
кочевий, горько пахнущих польнико.
Лицо земли укутано в морщины.
И древние глухие сновиденья
блестят водой засыпанных колодцев,
сквозь толщу звёзд, стекающих к рассвету.
Здесь ветер прячет в трещинах свой голос,
сказания о предках, предсказанья.
И прорастают лунные соцветья
сквозь спящие династии и царства.
Здесь тень ладони гладит тень собаки,
и тень поводыря ведёт слепого
по раскалённой выжженной равнине,
вдоль городов, в Историю скользящих.
И глиняные детские игрушки
хранят тепло давно проросших пальцев
Кувшины прячут несказанный голос,
угаснувший и пахнущий землёю.
Лишь море остаётся неизменным,
разматывая корабельный свиток.
И плавно мёртвые перебирают кости
свидетельства истаявших народов.
Какая нынче на Земле погода?
Чей силуэт проходит сквозь аллеи,
чтобы ступить на старую Дорогу.
Чтобы лицо поднять к одним и тем же
созвездиям, щитом прикрывшись лунным.
И помолчать, безвестным и беззвёздным
поход свой бесконечный посвящая.

узник замка миф

Суровая нежность касается лба,
цыганской иголкой зашив мешковину.
На тёплых губах замерзают слова.
Пора покидать семь кругов равелина.

Пора отплывать с контрабандой на юг,
на лодке, пропахшей гнилой требухою.
Кто всем открывал свои двери на стук –
стал рыбьим обедом под темной водою.

Песком соскобли свой доверчивый взгляд,
улыбку ножом от лица отчекрыжив.
Иначе тебя без гарнира съедят,
как редкостный вид на булавку нанижут.

И так беззаветно мать-правду любя,
карманную, что во все стороны гнётся,
они уже досочинили тебя,
себе, поскольку так проще живётся.

Снежинкой застыла в груди тишина.
Её никогда не покажется мало,
когда пароход под названием «Весна»
уйдет в никуда от пустого причала.

Ты молча взойдёшь на общарпанный борт.
Вода, колыхнувшись, поднимется ближе.
И в ней, средь немытых селёдочных морд,
былого лица своего не увидишь.

Бессмысленно пялясь на чёрный закат,
тебя и язык твой, и веру забудут.
Но даже не дрогнешь, когда обнулят
твой временный пропуск в «приличные люди».

Катись, аноним, по широкой волне,
мечтая всем сердцем на риф напороться,
чтоб мертвым лицом приникая к Луне,
ты даже не думал искать и бороться.

* * *

Заревые кочевники по руслам извилистых рек,
где на дне золотые крупицы напитаны солнцем.
По течению вверх поднимается сонный Ковчег,
да в стрекозых кустах золотые звенят веретёнца.

Да на сонное солнце кузнецик даёт стрекача.
Из горячей травы костерками колышутся маки.
На серебряных ниточках пляшет десант паучат.
Заревые кочевники спят в ожиданье атаки.

Здесь на тысячи вёрст, как на тысячи лет – никого,
только сонный Ковчег из ещё допотопной газеты.
Заревые кочевники чаются от берегов,
и на крыльях стрекоз отлетают в звенящее лето.

Раскалённые маки горят в пожелтевшей траве.
На запасном пути бронепоезд калачиком дремлет.
В позапрошлом газетном Ковчеге уплыли мы все,
чтобы больше уже никогда не вернуться на Землю...

стрелок

Прислонись к моему плечу, расскажи о прошедшей жизни.
Крокодилы уплыли в Нил, их извилистый путь сомкнулся.
Только птицы остались петь и гиены скуют с укоризной
о том, кто пришел сюда, лёг и больше уже не проснулся.

Он пришёл в этот крайний мир, из которого нет возврата,
по охотничьим тропам сна, по заветному календарю.
И лежит теперь у ручья, руки вытянув виновато,
и глядит, как над ним несёт старый Боженька вахту свою.

Пусть вода унесёт лицо и сомненья развеет ветер –
он не встанет и не пойдет, на руке лелея приклад.
И останется живо то, что жило на этой планете,
так, как было оно и сто, и тысячу лет назад.

Он врастёт в этот берег, юн – сердце старого континента.
Переходит он – слон ручей, в русле плещется он – крокодил.
Об охотнике вспомнит лишь пожелтевшая кинолента,
глася, что любому стрелку полагается собственный Нил...

встреча на окраине миров

Юный Единорог, прикрыв мягкими пушистыми ресницами голубые добрые глаза, нюхает Розу Ветров, растущую на каменистой пустынной планете на отшибе Вселенной. Он тихохонько дует на её грозные лепестки и улыбается влажными выпуклыми глазами. «Почему ты такая колючая? Протяни мне руку, погладь по белоснежной шелковистой доверчивой голове. Я потерплю, не бойся. Я залижу раны и другом стану твоим или кровным братиком младшим. Буду тебя защищать от хвастливых комет, дочерей Пустоты многоликой. Хочешь – я навсегда останусь с тобой, прекрасная незнакомка. Забуду о странствиях, о Млечном далёком пути и лунных тропинках, где в серебристых ручьях пляшут ящерицы и ангелы вьют на деревьях светлые гнёзда. Мы будем вместе смотреть на закат, когда бесконечность дрожит от взмахов невидимых крыльев и звёзды из гнёзд выпадают одна за другой. Я смогу приносить тебе их осколки, чтобы ты любовалась своей красотой, Безымянному ведомой только...»

Роза головку склонила. Солнечные ветра шелестели печально, тревожно и просто. Единорога язык был ей неведом. Короткий и верный удар гордых надменных шипов. Кровь на камнях. Удивление и нежность во влажном тускнеющем взоре.

Роза Ветров по-прежнему смотрит туда, откуда приходят кометы. Теперь ей не страшно, с новым шипом на груди. Только взгляд, окаменелый и нежный, всё не дает ей покоя. Зачем приходил он?.. Откуда?.. Падая, звезды молчат.

сон о первом дне

На голубых пуповинах с неба спускаются сны.
Запах ночи протяжен, словно гудок тепловоза.
Или зелёное эхо, пришедшее из глубины,
где водится Первый День, не вычислен и не опознан.

И нет для него пристанища в календарях земли.
Только в дымном столбе, меняющем очертанья....
Озёрное время. Дождливые
часы по воде пошли.
Берега осыпаются в небо.
Звереют пески мирозданья.

За каждой секундой тянется долгий шуршащий след.
За каждым из нас идёт шеренга забытых предков.
Они приходят в движение, оставляя зелёный свет,
листвы номера инвентарные развесив на каждой ветке.

Ночь рукавами цепляется за частокол дождя.
Ветхое платье трещит
цикадами. Из прорехи
вернувшиеся в Первый День за нынешним днём следят,
где нежно в озёрный зрачок врастает зелёное эхо...

выпускной бал

Потолок тает, как айсберг,
разбивая Титаник сна.
По всем радиостанциям
с треском провалилась весна.
В очереди за хлебом
граждане пьют вино.
Происходит пресуществление,
осуществление снов.
Встают, от воды отряхиваясь,
затонувшие корабли.
Ликвидаторы держатся за руки,
и светятся, как фонари.
Под руку со Стенькой Разиным
идёт молодая княжна.
И кому какая забота,
что немного она влажна.
Белые вместе с красными
возвращаются из полей.
Поднимается из формалина
кто всех живых живей.
Поэты с верёвкой на шее,
поэты с пулей в груди,
улыбаются в тёплых сумерках,
веря, что всё – впереди.
Веря, что всё ещё сбудется,
и слава КПСС,
и рукопись напечатают,
если Христос – воскрес.
Над ними летит Гагарин.
Над ними встаёт рассвет.
Грусть выпускного бала
в мире, которого нет.
Утром проснёшься мятый,
выйдешь из-за угла.
И скажешь тихонько: «Мама,
зачем ты меня родила?...»

периферия

Дождевые штыки конвоируют жизнь
в нежилые пространства, в приземистый Город,
где на тысячи ласточек воздух распорот
и червивое время срывается вниз.

Скороспелое времячко с красным бочком
зарываясь в траву, в муравьиное царство,
всё никак не заткнётся, не хочет состариться,
всё таращится в небо лукавым зрачком.

А по небу – стада расписных теремов.
На крылечке резном проплывает Гагарин,
красным солнышком и синевой отоварен,
как всегда, если «белка», он к «стрелке» готов…

Он калёные семечки тихо плюёт,
отчего на Земле наступают осадки,
малыши притихают на детской площадке
и Аврора по Зимнему залпы дает.

А внизу неизменная станция «Дно»,
с неизменным букетом засохшей сирени,
где вокруг ночника выются стихотворенья,
осыпаются пеплом, но им всё равно.

Поджимаются лапки и глазки мутнеют,
и освенцимский запах плывёт в кабинет,
проплывает за стол и строчит заявление,
то ли самоотвод, то ли самоответ…

почвенническое

Мне кажется, что я народоволец,
с мешком пустым на голове такой же.
И взвешают барабанной дробью
всё ближе исполненье приговора.
Мешок колючий пахнет земляникой.
Босые пальцы, как на фортепьяно,
играют на случайном рыжем ветре.
И руки за спиной. И шире крылья
бумажные сутулость осеняют.
И полем пахнет стриженный затылок.
А за спиной – нескошенные маки
и светляки плывут в густую зелень.
На клиросе стогов выводят ноту
томительные пчёлки-работяги,
как будто души всех приговорённых
здесь дань с живых угрюмо собирают.
Мешок тюремный полон земляникой.
И прорастёт расстрельная команда
ромашкой, мятой, снытью полевою,
и роем бабочек вспорхнёт над нашим строем,
над земляничной зреющей делянкой.
А мы останемся ловить ногами ветер,
пупырышками страха покрываюсь.
Над тишиной, над синими столбами,
где всякая река впадает в небо.
И только махонькая божия коровка,
над этой картиной пролетая,
нам удивлённо и печально скажет:
«Скажи на милость, что вы тут забыли?
Ведь все уже давно ушли в разведку.
Пошли в раскрутку, сдав десятилетку.
Подумать только! Дайте сигаретку…»
А мы стоим и пахнем земляникой,
поскольку идеалы непускают,
укоренившись в русских чернозёмах.

отчаяние

«От чая - отчиваются...»
Л.Кэрролл

Странствие чаинок в мутном зелёном стакане. Туманные перспективы, смутные тени стенные. От столкновения рождается новый неведомый космос. Круг от лампы зелёной высвечивает хитросплетенья хитиновых лапок и плетений растительного мезозоя. Яблоко рушится на разомлевшую крышу. Одной ладони хлопок – теплой и влажной. Пчела кружится над лампой, спутник мигает в потёмах. Стук по рассохшимся ставням. Дождь пришёл в гости. Чая с вареньем ему никогда не жалею. Он отхлебнёт из разноцветного блюдца, и будет рассказывать сказки. Оочных караванах кочевников и о тюранах ходжей, бредущих от Чёрного Камня. О чёрных невольниках, певших весёлые песни в душном задраенном трюме, когда их корабль шёл на дно, и рыбы им вслед подпевали. О пиратских портах, где весёлые вольные парни режут друг друга от скучки.

Затем дождь откланяется и отклонится от курса. А я опять промолчу про самое главное. Знаешь ли, вечный бродяга, есть ли на свете, кто чай этот по-братьски разделит со мною? И увидит галактику там, где кружатся чаинки. Лампы спасательный круг невольников всех возвратит на далёкую родину молчаливых лесных изваяний. Пираты весёлые встанут, и будут брататься. Рыбы хором споют колыбельную песню пиратам. И только один я уйду в этот внимательный дождь, в стремительный танец чаинок. Наймусь батраком небесных чайных плантаций. А кто-то другой на земле, в тот же вечер, засветит зелёную лампу.

дон кихот и его команда

Рыцарь Дон Кихот Ламанчский
лежит под мельницей ветряной.
Он совершил все подвиги, он умирает, ему пора домой.
Росинант щиплет тёплыми губами
молодую покрасневшую траву.
Дульсинея знать не знает об этом и готовится к randevu.
Дон Кихот смотрит в небо высокое, в небе текут облака.
Он уже не странствующий рыцарь, но об этом не знает пока.
Санчо Панса врачует раны и на рынке закупает фураж.
Их обоих знают в конторе и берут на карандаш.
Их личное дело становится толще день ото дня.
Опер приходит домой, у него большая семья –
жена, ребятишки, родители, тёща и пьяный тесть.
От всего этого оперу хочется на стену лезть.
А Дон Кихот умирает героической смертью бойца.
Он не отступил ни разу и во всём пошёл до конца.
Его Росинант становится лошадиною сиротой.
Лавочник скоро затарится конскою колбасой.
Опер закажет пива, нарежет колбасный круг.
И упадет головою в слезах на скрещенье рук.
Он будет пить с Санчо Пансой и сморкаться в его осла,
обо всех невинно погибших и грязи своего ремесла.
Он будет махать руками и кричать, что они в крови.
Превратясь в ветряную мельницу, полетит, не касаясь травы.
От семьи, что висит на шее, и вздохнуть ему не даёт,
он отбудет в края далёкие, где ждёт его Дон Кихот.

* * *

Зарастают чудовищами кольцевые дороги.
Ветер тихо доходит, скуля в придорожной траве.
Месяц – словно подкова, прибитая мной над порогом...
Нет – заржавленный нимб, что прибили к моей голове.

Прибывают вокзалы. Поезда остаются на месте.
Провожающие отражаются в окнах пустых...
Только я по-кощески держу свою смерть под арестом,
чтобы каждое утро просыпаться меж пальцев твоих.

И по стенам отвесным идти, как по первому снегу,
и в космических зарослях ягоды-звезды срывать,
проходя по остывшим районам дорогой от Я до Омеги,
гербарием снов оживляя пустую тетрадь.

Но в мертвецкой зеркал нелегко опознать отраженье,
обречённо свершая ежеутренний злой ритуал.
Я, печально смотрящий на наше с тобой *околенье*,
из триумфов любых, как всегда, выбираю провал...

* * *

Когда в сиреневых пустошах роятся густые огни,
в сырому тумане ветвятся косматые звёзды –
светлые волки припадают к молочной траве
и возвращением пахнет земное чрево.

Замри, погружая ладони в текущий свет,
замкни на себе все до одной дороги –
те, что веками колышет морская вода,
и те, что будут проложены над тобою.

На каждом листке – карта твоих путей.
На древних камнях – твои отпечатки пальцев.
Выжженные временем идолы старых богов
видят всё в своих крошащихся грёзах
и улыбаются. Может, благословляя тебя,
странник, сошедший с пути,
в карманах несущий ветер...
А, может быть, – светлым волкам,
на клыках несущим грозу.

одинокая цесарка

В заброшенных мастерских
живёт одинокая цесарка,
Цезарь на развалинах своего Рима.
Она гордо вышагивает
среди бурьяна и мусорных куч,
будто видит железные легионы,
выстроившиеся перед галльским походом.
Она попала в ржавую металлическую сеть,
но держится так, с таким достоинством,
будто завтра точно захватит весь мир...
Но пока цесарка подхватывает
с земли червяка,
и он, съедаемый,
осознаёт себя частицей Империи....
Бурьян захватил её маленький
пёстрый мир.
В полусгнившей беседке цесарка спит,
спрятав голову под крыло.
Она пьёт дождь
и ест горькие зёрна травы.
Цесарке снятся пёстрые сны,
в которых она летает
над этой горькой землёй,
и под её крылом не железная ржавая сеть,
а пушистый выводок трогательных птенцов,
которым она расскажет про Город всех Городов,
куда все дороги приводят таких, как она,
где каждому есть своё место,
свой уголок.
Одинокая цесарка в заброшенных мастерских.

звёздный невод

Небо смыкается с тяжким усталым всплеском.
Нелегко тянуть поутру невода многоточий.
Лошади тихо и нежно ржут в перелеске,
когда возвращаешься налегке в землю отчую.

Когда-то Учитель сказал нам с улыбкой:
«обилие многоточий – отмеченность самоубийством».
Из невода выплескиваются круглые лунные рыбы,
и смотрят на рыбарей печально и пристально.

Мы с Королёвым Серёгой хихикали глупо,
хлебая портвейн в институте под лестницей.
В небе, вместо Луны, повисла залупа.
Под Старый Новый год Серёга повесился...

Теперь я тяну звёздный невод над кручей.
Серёга рядом, плечом к плечу.
Я улыбаюсь, спрашиваю:
«ну что, Серёга, видел Бога?»
Он улыбается, говорит «видел...»
«ну, и какой он?..»
«добрый и грустный...»
«а на что Бог похож?..»
«на многоточие...»

И мы вытягиваем тяжелый невод
на влажный песочек...

отточие (* * *)

Моим ушедшим товарищам

Ремесло ветровое – называть поимённо
каждый лист в догоревшем костре,
и тревожные сны выплеская из гулкого дыма,
этой сетью ловить отраженья в трамвайном стекле,
спрессовавшиеся в печальный лик серафима.

Каждый из пассажиров на себе нёс его черту,
но в туман стекла слагал её, как полномочия...
И лицо прорастало сквозь Город на полном ходу,
а чуть выше, по проводам, бежало отточие.

А когда тихий шелест залатанного упавшего знамени
вместил в себя все разговоры на свете –
он принял присягу, став одним из смертельно раненных,
незримо носящих, Боже, твою отметину.

Он вышел на остановку, в маршрутном листе не означенной,
во главе армии листьев, восставших из пепла.
Но понял, что поздно, оплакано и оплачено,
за терновый венец отточия к небу прицеплен он...

Коснувшись ночи добела раскалёнными пальцами,
впитал глазами рыхлый осенний воздух.
Но, увидев снежинку, думал – пеплом листва осыпается,
и ушел, распахнув траву, на другие звёзды.

Где в глубинах ветвей терпеливо рождалась листва,
что когда-нибудь в утреннем небе, дождями размоченном,
под диктовку ветра набело напишет слова
над которыми неотвратимо зажжётся отточие.

я и мой ангел

Мой ангел сидит на яйцах на раскалённой крыше.
На душе барахлятся кошки, в подполье танцуют мыши.
Сижу я на подоконнике, в Луну окунувши пятки,
кручу Ангела кукиши и загадываю загадки.

Он терпит все мои выходки, он вообще – тихоня.
Не то, что не даст по морде – крылом никогда не тронет.
А я – испытатель терпения и игрец на ангельских нервах –
брожу по злачным окраинам и нападаю первым.

Ангел печально смотрит на мою пьяную рожу.
Он искренне огорчается, но ничего не может.
И хотя я – большая сволочь, – если честно признаюсь,
иногда я сменяю Ангела и сажусь высаживать яйца.

Вот так мы дежурим по очереди на остывающей крыше.
Ангел во сне бормочет и тихонечко дышит.
А когда разгадает последнюю из моих дурацких загадок,
мы с ним по-братски обнимемся над выводком ангеляток.

* * *

Коснись рукой доверчивых плодов –
и звёздная пыльца останется на пальцах.
Печальные глаза испытанных скитальцев
мерцают меж созвездий светляков.

Уснувший пёс у верного костра
один с тобой остался в целом свете,
на полпути к разбуженной планете,
когда рука и рукопись пуста.

Плоды плывут в беременной воде.
По берегам стоят чужие дети.
Слова теряют силу на рассвете,
уснув на свежескошенном дожде.

Легко струятся пальцы меж воды.
И мальчик-крысололов уводит день вчерашний.
И машет флюгер крыльями на башне
в неверном свете тающей звезды.

волшебники

За тихими пределами, закрытыми дверями,
живут себе волшебники за дальними морями.
С надеждой смотрят *за* море, хорошей ждут погоды.
Чему-то улыбаются, касаясь небосвода.
В трамваях не качаются, не ездят поездами.
Лежат в постельках узенъких, укрыты небесами.
Хорошие и добрые, с глазами молодыми,
живут на тихом острове, печальны и незримы.
И, как мечты, сбываются, спускаясь по ночам,
видны воздушным шарикам да мыльным пузырям.
Приносят сновидения хорошие в охапках.
Сидят они на зонтиках и на промокших шапках.
И если в тёмной комнате не можешь ты уснуть,
к тебе такой волшебник придёт когда-нибудь.
И если дождик льётся, беда со всех сторон –
под влажную подушку положит добрый сон.
И если в этот вечер тебя никто не ждёт –
цветное одеяльце конвертиком свернёт,
устало сядет в ноги, погладит по щеке,
и запоёт тихонько на волшебном языке...

добро ждёт гостей...

В пределах далёких суровых миров,
где наглухо сдвинут небесный покров
и птицы роняют стальное перо,
живёт ненужное людям Добро.
Не веселится, не ест и не пьёт,
жизнь, полную всяких лишений, ведёт
Добро, ненужное никому.
Даже себе самому.

Не гонит зверя оно по следам.
В контору по будням и прочим средам
не ходит. И, даже глядя в стекло,
не замечает, как заросло.
Плачет в чулане тихо в носок.
Похожее на шерстяной лоскуток
Добро, ненужное никому.
Даже себе самому.

Всё ждёт, что в гости к нему на чай
заглянет Зло, и будет молчать...
Добро предложит ему пирожок,
и скажет – кушай, дружок.
Добро, ненужное никому,
даже себе самому,
предложит конфетку и пирожок,
и скажет – помянем, дружок?..

дворник с утра

Ю.Наумову

На хребтах фонарей раскачались тревожные птицы рассвета.
Дежурный трамвайный вагон принимает удар на себя.
Из-под ног поднимается, лезет дурная планета,
выходя из себя, обнажая слои и края.

В перепутанном мире кричат оголтелые птицы
и осколкиочных разговоров дворник пихает в ведро.
Он стоит на окраине и кому-то неистово снится –
с красным носом морковным, с ключами от райских ворот.

А над ним занимается радуга и полыхают оркестры.
Он задумчив с похмелья, слеза на небритой щеке.
Десять тысяч столетий он не двинется с лобного места,
потому что беседует с ветром и молчит на любом языке.

Где заветные лавочки ждут седоков у подъездов,
Росинанты окраин для старушек с беззубой судьбой –
все песочницы ломятся от кандидатов в женихи и невесты,
а печального дворника с матом волокут на вечный покой.

Но когда наступает очередное кромешное утро –
тут как тут он, и радуги бьют из его рукавов.
Он похмельно-счастливо ключами гремит поминутно,
открывая забытые двери давно снесённых домов.

И пока он стоит – снеговик, уцелевший до лета –
и баюкает время в волосатом своём кулаке –
ничего не случится... Дурацкая наша планета
прoverнётся опять, словно ключ в заржавелом замке.

думка о чумацком шляхе

Серебристый хвост ящерки-узкоколейки
извивается, небом оборван у самого края...
Музыка пятится, перелесками отступая.
Знакомое дребезжание
невидимых крыльев стрекозьих.
Сутолочный танец пыли в замедленной съемке,
в равномерном движении стада,
где через край горизонта
сумка пастушья
наполнена преданиями Кочевья
о том, как приходит Предтеча,
и как плотничий руки
познают свое ремесло...
Ветер приносит дымное семя Кочевья,
когда народы свиваются
в недорассказанный эпос,
когда обрываются струны
деревьев лесополосных.
Лишь груды развалин, как груди,
курганы
вскрмливают грядущих
ищущих и идущих...
Песок – продолженье руки,
соль – ее основанье.
Солёные слёзы – основа любого Похода.
Основа Чумацкого Шляха,
что млечно и слёзно
стекает дорогой
к изголовью этого мира.
Кузнецник – слепой бандурист,
идущий за хлопцем,
наигрывает родниковую песню
и буйволов поит усталых.
Ковыль прорастёт сквозь кочевника,
станет копьём его, думкой
и песней Великой Равнины,
где окна – следы от копыт –
прозревают Создателя Мира...

на городской окраине

Н.Ивановой – Бершадской

Словно узники перед побегом
звёзды перестукиваются по ночам...
Сквозь кромешные лабиринты
в нетерпении вздрагивающих ветвей
Город покидает своё настоящее,
в тщетной попытке себя зачать,
и осыпается чешуйками краски,
обнажая тёплую суть дверей...

В каждом дереве прячутся боги,
которым произойти не дано.
В каждом камне живёт огонь.
В каждом из нас – умирает небо...
А я всё чаще и пристальней вглядываюсь
в поток, проносящийся надо мной,
и вижу всё меньшее и меньшее тех,
кто даже рядом со мною не был.

А небо смотрит глазами птиц
и видит нас, как в начале, маленькими,
когда на верёвках сушились ветра
и была Дорогой каждая улица.
А ещё оно видит окраину, где
в мастерской, заказами вечно заваленной,
портниха умелая пришивает к земле
нитью корней костяные пуговицы.

* * *

Закрывается занавес. Так рождается синий ветер,
на весах ветвей качающий звезды и шелест.
Рыбари и пауки расставляют сети.
Мухи и рыбы обречённо идут на нерест.
Каждый носит своё лицо, словно фигу в кармане.
Словно якорь, который когда-нибудь можно бросить.
А месяц выходит из-за кулис тумана,
вынимает ножик и синий ветер косит...
Он не щадит ни охотника, ни добычу –
серебряная монета во рту Вселенной.
Сети и рыбу, и муху берут в кавычки.
Рыбари с пауками в янтаре обретают цену.
Синева наполняет глаза и сочится в душу
паукам и рыбам, мухам и рыболовам,
наделяя их тайным даром смотреть и слушать,
как из тела корнями вверх прорастает слово...
Паучинные звёзды ловят сетями ветер,
и под тяжестью рушатся вниз, обращаясь рыбой.
Чтобы тут же, с размаху, попасть в дождевые сети,
заболеть синевой и от синевы погибнуть.

причерноморье

Степенные степные ковыли
скрывают долю перекатной голи,
отродьев распахнувшейся земли,
дышащейся под узловатым корнем.
Стремя свои закатные шаги,
савраска вымеряет чисто поле,
вышагивая, чисто землемер,
в траве сырой, космической и сорной.

Приветствуя узлатах пауков
среди мушиной половецкой пляски
и каменных живородящих баб,
носящих в чреве плод тысячелетий,
понтийский ветер отдохнуть прилёг,
о моряках рассказывает сказки,
чи души бродят по морскому дну
в попытке тщетной отыскать скелеты...

И амфора, что спит на глубине,
еще скрывает лёгкий винный запах,
и дремлет тихо мудрый базилевс
курчавой головой промеж корнями.
Он выпил одуряющей лозы
и на минуту лёг в своих палатах,
чтобы очнуться юным и седым,
ковыльными распахнутый крылами.

Распаханный стальными тракторами...

Степенные степные ковыли...

великий шёлковый путь

Струятся глаза пустынныe через века,
через тьмы и сомнения полководцев.
Пейзаж меняется, ветер листает страницы,
дописывая между строк,
между облачных глав,
сомкнутых над родничком потаённым.
По берегам пересохших озёр
стоят серые цапли, упирая клювы в закаты,
окрашиваясь в цвета где-то идущей войны.
Деревья переступают корнями неловко,
застенчиво, тихо.
Прислушайся: в воздухе лёгкая дрожь...
Это танцуют деревья
танец извилистый, древний, замысловатый...
Звёзды выют паутину
в самых возвышенных кronах,
ловят заблудшие души
командировочных, странников, беглых,
приносимые тёплым ветром
из городов-могильников,
городов, похожих на лабиринты лабораторий.
Земля устало вбирает воду и новые кости.
Там, где стоял караван –
лишь осколки кувшина и тени...
Шелковица смотрит в глубокую тёмную воду.
На самой вершине сидят,
тесно прижавшись друг к другу,
крошка-звезда и маленький червячик.
Он беседует со звездой неторопливо и плавно,
придёт свой тонкий прозрачный узор,
на землю его опуская,
вычерчивая направление тёмного танца.
Верблюд осторожно обходит
раздавленный в спешке кувшин,
в котором плавает месяц.
Звёзды звенят по ночам
и танцуют деревья
по шёлковому пути
в направлении ночи великой.

сон больного ребёнка

Серебряные колокольчики
на крыльях маленьких ангелов
переливаются через край тишины
старого заброшенного парка.
В пруду живёт Водяной.
Он тысячу лет ждёт молчаливо того,
кто придёт за ключом от небесных ворот.
Ключ ржавеет на дне водоёма и однажды
станет песком или рыбьей чешуйкой.
За кустами крыжовника прячется хмурое детство,
сеет молочные зубы.
Они прорастают взрослой печалью,
похожей на скрип ржавой пустой карусели.
Из тьмы беседки разрушенной, за диким густым виноградом
сияют глаза одинокого странника, неведомого пилигрима.
Он дышит озёрными всплесками
и мальков трепетаньем.
У странника кожа младенца,
глаза пророка,
крылья мыши летучей
и тело могучего змея.
Он видел последние царства
и первые царства.
Когда запоёт он – с небес посыплются звёзды.
И только хмурое детство не станет бояться посланца,
увидев свое отражение в огненном взгляде.
Деревья – цыганки в монистах из лунных монет
его обступили.
В серебряных пальцах поёт
лунный стремительный бубен.
Цыгане уводят стада облачных диких коней
в далёкие степи, на пастбища,
где только ангелы да пилигримы,
посохи в небо воткнув,
прорастают,
небо с землёй сопрягая
под пение лунного бубна
и отзвуки хмурого детства.

чёрный феникс

Печальная птица... Большая печальная птица...

За что осуждена ты
на горькое это скитанье?..
За что возвратиться не можешь
в свои палестины
текущие, душные,
приросшие к сердцу
корнями смоковниц опавших...

Печальная птица... Больная прекрасная птица...

Нахолившись, кормишь
плотью своей Прометея,
прохожего, странника,
проходимца
из огня в полымя голубое...

Печальная птица... Опавшая, жухлая птица...

В глазах твоих
молчание тысячи грешных,
забывших о том,
что где-то есть звёздное небо...

Печальная птица впечатана в каменный уголь...

Сгорая, ты греешь мне руки
телом своим невесомым...

Печальная птица...

Чёрно-серебряный Феникс...

зверь суслик

I. Васильеву

Проницая взглядом равнину от края до края,
Суслик на грани ночи и дня замирает.
Пересекая линию горизонта,
он неподвижен, как половецкая амазонка.

Его дыхание становится ураганом,
сдвигающим камни с насиженных гнёзд туманных.
Взгляд пронзает меридианы и упирается в Солнце,
рождая протуберанцы и огненные колодцы.

Он видит всех: ушедших, живых и грядущих.
Табуны коней, копытами небо стригущих.
Корни дурман-травы под ним шевелятся,
потому что до одурения его боятся.

Давно перебили драконов и василисков,
и даже Горыныча, который летал слишком низко.
Только на этой равнине, на речном высохшем русле,
остался древний могучий зверь по имени Суслик.

Тень его наваливается на затонувшую Атлантиду,
и поля кузнечиков цепенеют от его боевого вида.
А он застыл, страшась даже стука упавших горошин,
чтоб мохнатой лапкой тихонько погладить цветок усохший...

живородящий сад

Луна забирает в себя всю воду
открытых пространств.
По пустым галерям
бродят ленивые странные звери,
касаясь длинными пальцами
медных ручек дверных.
Белое кружево наброшено
на дремлющий сад
живородящий.
Посреди немоты
бархатные ресницы закрытых цветов.
Серебряный ангел пугливо
вжимается в куст сирени.
Его обдаёт цветами
и росистыми искрами близкого утра.
Птицы спят, временами
вскрикивая во сне.
Им снится полёт,
оканчивающийся падением
на серебристые камни.
Дорога упирается
в кирпичную мшедую стену.
В дальнем садовом углу
ископаемый ящер
терпеливо и кротко
высиживает лунные яйца,
из которых утром
вылупляются тысячи солнц,
отражаясь в спутанных травах,
не высохших перед рассветом.
В заброшенном колодце
лягушка поёт о любви
к серенькой горлинке,
прилетающей утром напиться
травяного густого настоя.

потаённое

Ветер – слепой музыкант
на ощупь дергает струны деревьев.
Каменноугольный период
в хуторах и станицах наступает быстрее.
Крест посредине степи
на Млечный Путь держит равнение.
Городища утёкших племён
под культурным слоем деревенеют.
Глэчики с молоком
разбиваются, и вытекают звёзды.
Пахнет сырой землёй,
талым временем и навозом.
Огненное колесо
катится, не находя преграды,
тысячи лет подряд
через кладбищенские ограды.
Через дурман-траву,
отражаясь в зрачках потаённых змеев.
И прорастает меч,
там, где в поле пшеница зреет.
Варятся облака
в глиняной разноцветной чаше.
И безмятежен взгляд
черепа, вывернутого из пашни.

несдавшаяся крепость

Время отбоя. На башнях стоят трубачи,
вниз опустив позолочёные солнцем руки.
В их загорелых глазах ни тоски, ни разлуки,
только далёкое пламя погасшей свечи.

Только пробитое знамя над их сединой.
Город не сдался. Лишь замки его опустели.
Трубы молчат. Только звуки пастушьей свирели
тихо струятся над рыжей примятой травой.

На бастионах уже проросли деревца.
Ласточки гнёзда свивают в жерлах орудий.
Спит богомол-иерогlyph, похожий на Будду,
на удивлённых губах молодого бойца.

Входы и выходы переплела повитель,
словно печальный роман без конца и начала.
В схватке забытая кем-то, лежала свирель,
и иногда

от дыхания ветра
звучала.

каменный век

Пещерное, вольное, поднебесное племя.
Лица красны от мяса и близких углей костра.
На сводах начертаны сцены удачной охоты.
И мамонта крик
запечатлён в затухающем взгляде
молодого охотника,
лежащего на окровавленных шкурах.
Знающий говорит с духами предков.
Духи сурово молчат.
Их легокрылые тени мечутся над костровищем.
Падают в красное, становятся чёрным.
Птицы петь перестали. Лица охотников напряжены
и суровы. Много столетий спустя
человек назовёт это горем.
Один из живых тёплым ещё угольком
рисует поверженного, на колени ставшего зверя.
У мамонтов тоже – горе.
Охотники знают об этом и обращаются равно
к духам ушедшего воина и ушедшего зверя.
Пока им дано вольное право
не делать различий.
Единые предки кружат над костром,
чей светел зрачок в окружающем сумраке ночи.
Молодая земля еще любит детей своих равно.
Она кашу варила, деток кормила...
Этому – дала, этому – дала и этому – дала.
Человек – сам возьмёт...

* * *

Серебряный сосок Луны висит над лешими губами.
От жажды сводит сухостой и обнажается земля.
Всё в дырах от костровых искр нас чёрное накроет знамя.
Приникнут лешие к Луне, и млечность оросит поля.

И ржавый плуг пойдёт пахать сам по себе, без землепашца.
И ляжет семя в борозду, и встанет дикий урожай.
Под чёрным знаменем небес мы все придём Луне сдаваться,
и этой воле земляной никто не станет возражать.

Мы влезем в тёплое ярмо среди молочного тумана.
Рабы природы, дети сна, устало прикорнём в яслях.
И будут в пропоре небес всё ярче разгораться раны,
когда тягучий Млечный Путь повиснет каплей на губах.

лемаргия

Тихо спит Герой, осаждённый во времени.
На часах – без пятнадцати никогда.
Только шелест боёв тараканых
по углам
напоминает о том, что жизнь неизбежна.
Кто здесь?! Половицы скрипят и скрипят,
словно старый шарманщик
за пыльным разбитым окном.
Никого... Только Темень
таращится на бесконечную нежность,
на покорность, с которой
опадают цветов лепестки,
разлагаясь на запах,
на цвет и далёкое эхо,
слышное только Герою.
За шершавой стеной
поднимается ветер шершавый...
Медяками падает в шляпу шарманщика
дождь за окном.
За поросшей мохом стеной
неведомой крепости
спящий Герой обнимает убитого Друга:
«Расскажи мне о том,
что мы тогда - победили...
И больше незачем ждать
никого...»
Уходящий шарманщик
обернулся на окна горящего дома.
Нырнул в подворотню.
Искры осыпались вниз.
И не могут погаснуть
в лужах последние листья...

* * *

Остов шотландского замка,
затерянный в пустошах вереска.
Кирпичи, обросшие мхом,
впитавшие запах железа
и цвет заходящего солнца.
Дорога уходит высоко
в облака наливные.
Овечьи стада
проливаются пеной молочной
на эту каменистую
древнюю пустошь,
монастырскую,
строгую, как образа
в небесах грозовых,
молниеносных,
навалившихся грудью
на расколотый надвое камень
неведомого надгробия
тана великого,
ушедшего в дальние земли.
Где войско его полегло –
там блеяние и вереск,
и полчища муравьёв у его изголовья
принимают присягу на верность
этой вороньей земле,
где хлопанье крыльев
похоже на топот коней,
возвращающихся с далёкой небесной охоты.
Волынка играет древний суровый напев:
«о, шотландская наша земля,
ты уже далеко за холмами!..»

неизменное

Рассыпчатым небом кормить приютских скитских сизарей.
Усталая посолонь тонет в бездонных рябящих озёрах.
Кандалальная песнь оседает росой среди вольных полей.
Издревле древесные боги обходят овраги дозором.

Притихшему миру привиделась мирная жизнь.
Кикимора грустно сидит на осохшем заросшем болоте.
Стрела, коей тысячи лет, всё лестит и летит сверху вниз.
Лягушка Царица нянчит внучат и довольна зелёною плотью.

Сгущаются сумерки, волки поют за рекой,
нанюхавшись вволю пчелиных полей разнотравья.
На древнюю землю нисходит неизреченный покой.
Языческий сумрак среди костровищ православья.

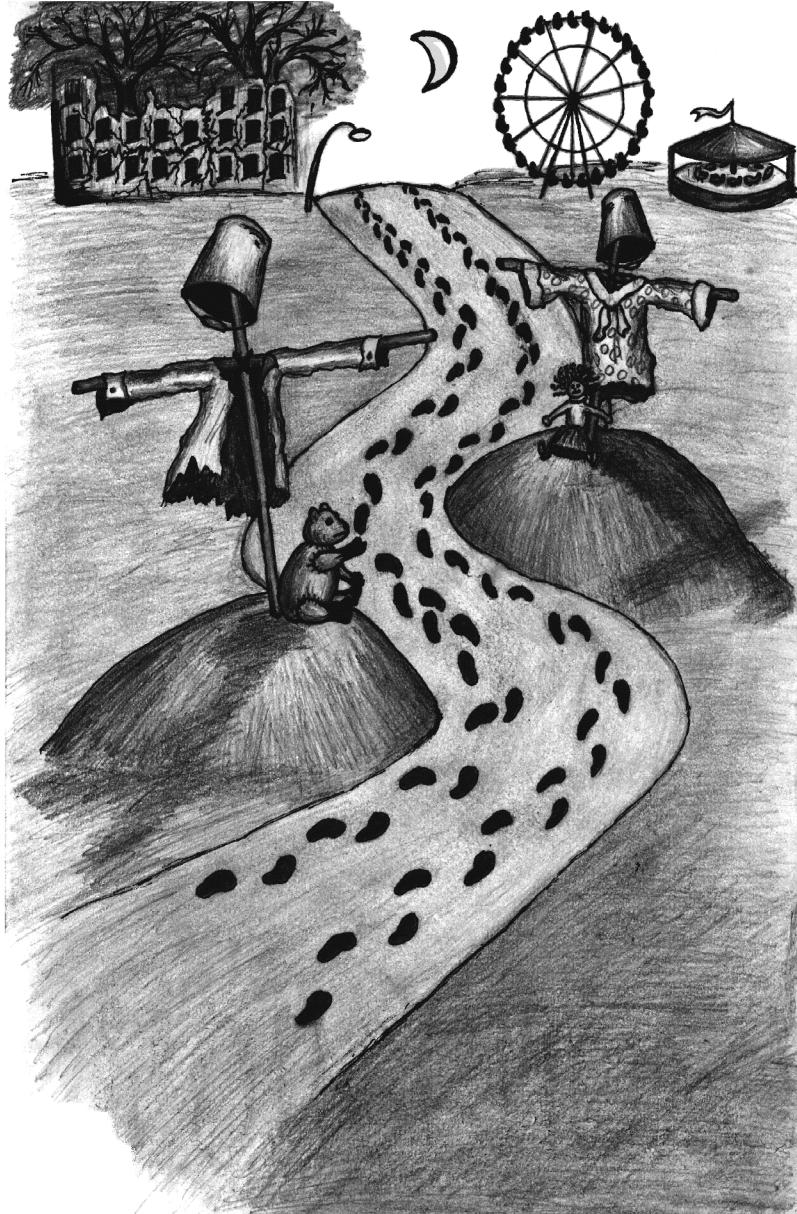
Бормочут колёса на дальних проезжих возах.
От моря до моря дорога струит перекаты.
И странные бродят по ней, что не в сказке замшелой сказать.
И лучше молчать до Луны, петушиным криком распятой.

= С ЧЕРНОГО ХОДА =

лес на краю погоста

Птички, как ёлочные игрушки,
звенят и покачиваются на ветвях.
Хвоя осыпается в мои следы.
Следы наполняются облаками.
Река, веселая шумная ящерица,
хватает тень мою и уносит вниз по течению.
Тень наполняется солнцем, тяжелеет и сходит ко дну,
чтобы там мирно покоиться до второго пришествия.
Лесной дух раскладывает пасьянс из разноцветной листвы.
На опушке грибы танцуют медленный вальс
под аккомпанемент оркестра –
кузнецика
и трех маленьких пьяных цикад.
Им звёздно и весело.
С утра собирали росу и успели набраться.
Замшелые камни-философы не одобряют шумных проделок.
В них тихим огнём брезжит скрытая,
никому не заметная жизнь.
Когда-то, в один из ничем не примечательных дней,
встанут они, распрямятся,
и лес замрёт удивлённо,
увидев самых чудесных и ярких детей
матушки нашей Земли.
Время ещё не настало, поэтому серы они и почти незаметны.
Только сиреневый ветер знает их тайну.
Свернувшись калачиком, дремлет он между ними,
греет бока их замшелые своим заморским теплом
и чудесные сказки нашёптывает тёмным колоссам.
Ночью распустится папоротник
и станет гореть саламандра
на белых косточках странника, что грезил покинутым домом.
Ветры – зелёный, сиреневый и темно-синий
станут водить хоровод вокруг старца лесного.
Пока не покажется солнце, и мёртвые лягут в могилы
до следующей ночи.
И только тень моя на дне горной реки
отразится в небе умытом.

= НЕКРОПОЛЬ ЕРЕТИКОВ =

с чёрного хода

1.

Бесследно кануть в поздний шорох.
Так осыпается листва
под мост железный и дорожный,
ложась в разбитую бутылку,
чтоб навсегда зелёной стать...

Так, налегке, в косматый час,
когда срастаются деревья,
и всё становится землёю,
ходит календарный лист.

Так звёздами кишит вода,
вливаясь в чёрные глазницы –
и видят битая бутылка
и железнодорожный мост,
как наверху грохочет поезд.
Но вывернутый наизнанку
звук всехочных, идущих, скорых –
лишь тихий плач пустых качелей
по отходящему теплу.

В мешке тумана сложен мир.
Лишь горький запах вяжет руки
тем, кто в самих себя врастает,
кто вышел по зелёным стёклам
на лестницу горящих шпал.

2.

Когда подступают синие сны деревьев
вплотную к детским кроваткам, и чертят путь –
реки теней на потолке изменяют русла.
Ты утекаешь,
набросив на плечи залатанную печаль,
наполнившись пустотой,
на ощупь шероховатой.

Улицы принимают твои шаги
за шум дождя,
и начинают пахнуть
погребом, и блуждающими огоньками.

Там, где Город обёрнут собственной тенью,
и палые звезды шевелит
идущий на цыпочках ветер –
кострами переселенцев унизан путь.
Они танцуют в огне и падают навзничь,
ступенями пламенной лестницы становясь.

С каждой ступенью ты всё меньше и меньше.
Пар над тобой колышется и растёт.
Ты исчезаешь.
Туча идёт на Город.
Как виноградная ягода на просвет –
каждая капля скрывает в себе младенца.

банний день

Отребье черепичных крыши и чердаков, шуршащих молью.
В глазах кошачьих – силуэт с утра идущего дождя.
Он в слуховом окне сидит и, свесив ноги, самовольно
швыряет горсти серебра, ни шляп, ни стрижек не щадя.

На трубах виснет банний день и тучи пахнут детским мылом.
Весь Город ходит по гостям и пьёт малиновый сироп.
Я тоже весь куда-то шёл, но заблудился... И уныло
теперь сижу на чердаке в пыли, средь голубиных троп.

А по соседству спит сундук времён очаковских и дале.
В нём конка весело звенит и духовой пылит оркестр.
Солдаты Первой мировой надели все свои медали,
и в Летний солнечный театр ты не найдёшь свободных мест.

Ах, этот Летний, духовой, пронизан солнцем и цветами,
чтоб в оккупацию стоять прохвачен дымом и огнём...
Они смеялись и цвели, и ничего ещё не знали,
как и сейчас не знаем мы, что встанет за грядущим днём.

Спиной прижаться к сундуку, покрыться мягкой тёплой пылью.
С грибным дождём напополам здесь запах времени вдыхать.
И чувствовать себя во всём, и чувствовать себя бессильным.
Смотреть, куда идут часы, а ты не можешь помешать...

день города

По влажным улицам идти дождём распаханного Города,
на праздник или эшафот – озеленело и приподнято.
Всё в пятнах вымокшей листвы под фонарём заколосившимся.
Портвойном и дурман-травой там пахнет дружба износившаяся.
Горчит дешёвый рафинад и окнами разводят сумерки.
И цедят потихоньку дождь все те, что жили здесь и умерли.
Стекает тёмная вода, по водостокам звонко лязгает.
И семечки издалека, и лавочки сочатся лясками.
На остановках спит народ, устало головы причаливши.
Трамвайный звон, и крестный ход, в подвалах – кошки одичавшие.
Здесь арки вздыбились травой, проросшей между позвоночника.
Звончее ходят по дворам с утра молочные разносчики.
Стоит многоголосый хор, на пустырях поют кузнечики.
И очень хочется примкнуть свой голос, тихий и доверчивый.

творческий ветер

На юг летят серебряные крыши,
навеки покидая век железный.
И – «ветер творческий» – в афише кто-то пишет,
макнув тебя в чернильницу подъезда.

Тепло и дым в ладони заключая,
врастая отраженьем в мостовую,
ты станешь мыть в дожде своё молчанье –
надорванную жилу золотую.

Где башни с неподвижными часами,
и шелестят осколки Божьих стёкол –
расплененных деревьев голосами
эстрада летняя твои находит строки.

Где свет окукливается в густом тумане,
вода в фонтане пахнет многоточьем –
толкаешь тень перед собой, могильный камень,
чтоб уложить её в фундамент ночи.

А ветер творческий уже грохочет жестью,
морскою солью крыши заверяет.
Прошедшее сквозь надписи подъезда
на свет скелетом Бога проступает.

И бесконечно опоздав к началу,
отходишь ты древесным коридором –
пока на Город падает молчанье,
мечтающее возвратиться в море,
дающее последние гастроли...

* * *

Ночью Город становится зоопарком теней,
и заносит нас в свой самый чёрный список,
как замирающий вид на клавиших кирпичей,
как сумасшедшую музыку на холстах занавесок.

Тени, прилипшие к светлому языку,
отправляются в лунные недра на переплавку,
по пути убаюкивая в карманах свою тоску
и сердца, давно отключённые за неуплату.

Люди, состоящие из одного пальто,
пишущие книги из одного названья,
на блестящих спинах трех устаревших китов
от вокзала Земли отбывают по расписанью.

Их провожает Пастух Болотных Огней,
даёт отмашку внимательною рукою.
А потом нас уводит искать ненадёжных путей,
и находится в зелёном приёмном покое...

* * *

Духовые оркестры в шерстяных задохнутся мирах.
От протяжного звука становится тесно и жарко.
На все лапы четыре припадая, отползает мой страх,
от ветров карусельных и конфеток на палочках ярких.

На виске незаметная бьётся тонкая жилка тоски
выпусканых вечеров, чьи печальны и радостны встречи.
Эй, прищуренный сторож!
Судьбу мою на кленовых листьях раскинь,
если пену пивную не слизал саксофонящий вечер...

Эхо тёмных аллей дышит в ухо и палец к губам
прижимает лукаво – какие еще, к чёрту, танцы...
Кавалеры искусно прижимают кустящихся дам,
приходящих с единственной целью – здесь на ночь остаться.

Карусели кружатся, как сансары моей колеса.
На мгновенье над парком – назавтра очнёшься в ментовке.
Духовые оркестры правят своё ремесло,
и на следующий день провожают кого-то в духовку...

Улетают шары. Дети плачут. Хочет толпа.
Над кленовым раскладом, над серой асфальтовой жижей.
Я стою, и мороженка тает в моих непослушных руках,
превращаясь в молочные реки, из которых восстанет град Китеж.

домовой

Внутри неподвижных домов тихо живут домовые,
по утрам открывают глаза и сладко зевают на свет.
У них пристальный взгляд и лапотки расписные.
Никто не знает, кто они, откуда и сколько лет...

Они говорят с дождём и ласково гладят ветер,
когда он трётся у ног и играет со всякой трухой.
Лишь солнце впервые взошло – они появились на свете,
со смехом в карманах, баюкая в морщинистых лапках покой...

На пыльных лошадках-качалках, заброшенных на горище,
они отбывают в свой мир, в пряничную страну...
А мы, потеряв покой, их, не зная, повсюду ищем.
И, не найдя нигде, грустно отходим ко сну.

Так в неподвижных домах воцаряется сонный морок.
По Городу расползается экономная темнота.
Тогда Домовой вылезает из-за пыльных задёрнутых шторок,
чтобы детям во сне рассказывать про сказочные места.

Взрослые люди не верят во всякую домовщину.
Они верят в домушников и прочих недобрых людей,
пока Домовой на горище трёт седую щетину
и вместе с лошадкой-качалкой ждёт не дождётся гостей...

* * *

Елки-палки, лес густой.
Кончен творческий простой!
A. T. Твардовский

Что тебе снится, бедный избранник азбуки?
Под казённым небом бессмертия – новый путч?
Но серафим шестикрылый приходит
и руки связывает,
и в скважину рта
забивает холодный ключ.

Пуля твоя в смету уже заложена.
Расстрел бесконечный
потом назовут судьбой.
Но даже свинец бессилен,
и ты плетёшься в кафе-мороженое
коротать бессрочный творческий выходной...
Мечтая уйти в кабак
и уплыть в запой.

Уплыть в запой под парусом паранойи,
кусая локти и сгрызая карандаши.
Подавая надежды тем,
кто гроша не стоит.
Не чувствуя рядом
мало-мальски живой души.

Вот так безнадёжно
поезду под откосом.
Вот так исповедуется
ветер печной трубы.
Вот так еженочно
садятся писать доносы
на самого себя
самому себе.

* * *

Из посаженной спички не вырастает дерево.
Ангельский десант не высаживается две тысячи лет.
И не знаешь, когда небеса покрываются перьями,
то ли там птицефабрика, то ли правда – Тот Самый Свет...

Ночь ходит только чёрными. Игра вничью,
белыми клавишами. Вычеркнутой строкой,
рука утекает в карман за потерянной мелочью.
И сам утекаешь в прореху вслед за рукой.

Дверей голоса не обозначишь на местности.
Запах костра не внесёшь в квартальный отчёт.
Лёжа в тени давно развалившейся крепости,
время бастует и никуда не течёт.

Всех запасов – невинное детство да винная молодость.
Ветер железнодорожный с руки покормлю
и растворюсь за глазастой зелёной околицей,
на перегоне от января к декабрю.

… Неизвестному Автору поставят памятник дворники,
чтобы, хоть изредка, приходили к нему во сне
бумажный кораблик, врастающий в серое облако,
да воздушный змей, лежащий на самом дне.

городской сумасшедший

За пазухой спящего Города, как у Христа,
под колючими взглядами хмурых легионеров.
Фонарная проповедь метит святые места
и гонит язычника в тёмные заросли скверов.

Горячим дыханьем вмерзая в заплёванный лёд –
соломки, смотри, не забудь, да прикройся от ветра…
Ведь ты слишком слаб совершил отворот поворот,
укутав листвою глаза безнадёжного цвета.

Бреди полосой отчуждения, божий дурак,
тяни за собой на верёвке игрушечный поезд.
Ты так ему верил, пока твой лимит не иссяк,
пришибленный дверью с табличкой «не беспокоить!»

Попавший случайно в Город Закрытых Дверей,
где каждый кирпич запрещает движение прямо,
ты мир этот видел глазами тряпичных зверей,
смотрящих доверчиво в небо из мусорной ямы.

Пока ты рассказывал сказки живой пустоте –
тебя изнутри обобрали, оставив лишь выцветший кокон.
Но всё же свободнее тех, кто плетётся в хвосте,
нелепый булыжник,
летящий в созвездие окон.

в сквере весеннем

Холодные скрипки дождя
играют древесную музыку первых побегов.
Усталые ветви чреваты цветами,
в переполненных чашечках дремлет гроза.
Заветная тайная жизнь
за границами серых булыжников многоэтажных.
Тюльпаны рассыпались –
тысячи бабочек принял асфальт.
Заносчивый ветер кусает
мороженку, брошенную ребёнком.
Земля под ногами покачивается,
как палуба корабля.
Мальчишка сидит на заброшенной остановке,
ноги в весенней зелёнке
подобрал под себя,
читает старую книгу.
Последний трамвай снова отходит пустым,
освещая хрупкий его силуэт,
похожий на флюгер
на самой высокой
готической башне.
Всё дымно и слёзно,
плывёт под ногами земля.
Потоки смывают осколки чужих декораций.
Горят фонари, проходя сквозь каштанную завязь,
центры зелёных галактик, спиральных дорог через ночь.
В танцующих кронах неистовый бал и веселье,
такое же точно, как в грязных кафешках внизу,
где пьяницы с мокрыми лицами
сдвигают стаканы с дождём.
И дождь их стаканам
никак опустеть не позволит...

* * *

Поэт, воспевающий дерево, пишет карандашом,
пока его совесть качается в петле сигаретного дыма...
Он мечется в поисках выхода, думая, что вошёл.
А сам до того задумался, что просто пропал мимо.

Он тридцать три года с лишним сидел на своей печи,
не замечая, как ветер под ним раздувает пламя...
Но даже среди пожарища он повторял: «Молчи!
Ибо, всё, что ни делается – делается не с нами»

При каждом удобном случае ему объясняют жизнь,
и применяют санкции, и принимают меры...
А для него без разницы – что кома, что коммунизм,
лишь бы в пивную очередь пристроиться самым первым.

Он спит, когда вдохновение просится на постой.
Он ни во что не вмешивается, не думает, не гадает.
Он счастлив, что ружья мира его обошли стороной,
не зная – в последнем акте и карандаш стреляет...

пункт приёма чудес

Город с чёрной пробоиной в дне покорно затонет,
пузырьками последних прохожих салютуя прибытию вод.
Керамический бог приподнимет пустые ладони.
и скелеты цветов завернутся в зелёную плоть.

Чёрный ход проскрипит шифрограмму небесному зодчему
о подлёдном мерцании звёзд на ступенях сырых.
И тогда, наконец, я увижу, что всякое творчество –
перила, снимающие отпечатки пальцев моих...

По стеклу разойдутся золотые круги паутины.
Демонов лестницы разбудит мой пристальный шаг.
Разбежится мурашками изнутри прорастающий иней
от весеннего ветра, что за жизнь удалось надышать.

Всё больней и неправильней взглядом цепляться за выступы,
видя, как облака штукатуркой облазят с небес,
и оттаивает на глазах безымянная звёздная письменность...
Так легко паковать себя в ящик

и сдавать в Пункт Приёма Чудес.

Там, в приёмном окне, замаячит звезда неизвестная.
Цепко тень мою схватят мохнатые лапки лучей.
И уже за спиной застремочут демоны лестницы.
И далёкий почтовый загрохочет, как связка ключей.

Словно так уже было и будет весной неопознанной,
если с чёрного хода очутиться в парадной планет,
лишь засыплют с другой стороны фотокарточки осени
дверь входную по самую прорезь «для писем, чудес и газет»...

город

Этот лес фонарей и трамваев,
стареющий девственный лес,
давно потерявший невинность.
С трепещущими бледными бликами
на ажурных крылечках парадных,
на облупленной краске дореволюционных дверей,
видевших ополченцев и солдат Ледяного похода.
Город приходит в себя,
как в ненужные гости,
чтобы видеть везде паутину и плесень цивилизации.
Распятый на башенных кранах,
он крошил хлебную корку голубям подворотен
и крысам спальных районов.
Он лопочет зелёными
пушистыми трогательными губами,
вспоминая телеги, груженные дарами земли и Чёрного моря,
идущие с ночи нескончаемой вереницей
к Сенному базару, где теперь
разверстая яма безжалостно залита солнцем.
Лабиринты контор, бумажные коридоры,
заменили рощи и газовые фонари.
Тень Фонарщика бродит по улицам, зажигая
тени былых фонарей, распиленных в металлом.
Из этого лома понаделали много замков,
чтобы нагло запираться теперь друг от друга,
не видеть, не слышать, не знать,
что за Город вокруг,
какое лицо у него.
Он пережил чуму и холеру,
войну, революцию,
нас...
Но нашествие клопов кабинетных
станет последним.
Я так любил этот Город, пока я в него не вернулся...

старая водонапорная башня

Водонапорная башня, заросшая чистотелом,
перст, указующий путь ящерицам и муравьям.
Жаждой за горло схваченная, опустелая.
Тень свою – невод – бросает, как ты и я...

Трещины асфальта складываются в иероглифы,
по которым узнаешь судьбу, если прежде не свалившись в люк.
Водонапорная башня до верха заполнена
писком летучих мышей и шорохом влажных гадюк.

Она стоит одиноким напоминанием,
как тихий старик среди городских жлобов,
как белый юнкер в порту, обернувшийся перед изгнанием,
как зеленеющий дуб среди дубовых гробов.

В ней хранятся все полночи и все молчания,
звуки капели и тихий плач мышат
перед крадущейся кошкой. Башня стоит в ожидании
пока её участь окончательно ясно решат...

Старая водонапорная башня мешает развитию –
слишком она возвышается и портит вид.
А я прихожу и руки кладу на её кирпичи разбитые,
как будто пальцы могут время срастить и остановить.

Там есть одно окно, и оно живое.
В нём иногда зажигается тусклый огонь.
В башне есть дух, и он говорит со мною,
я чувствую на плече сухую его ладонь.

Он знает, что это скоро должно случиться,
под грудой кирпичных обломков растворятся его следы.
А мне в эту ночь, как наяву, приснится –
мой Город стонет от жажды,
но нету живой воды...

пасьянс ночи

День отирая со лба,
идти побережьем Вселенной,
впадая в свой Город
так, чтобы он разошёлся кругами
и рыбы домов шевельнулись
в сетях полусгнивших заборов.
Туда, где дно Города полно
мерцающим светом
бросавших последний свой луч,
чтобы вернуться...
Где в дуплах сиреневый ветер
свивает гнездо
и выводит потомство.
Ключи темноты отпирают
ржавое от непогоды
скрипучее небо.
Творец раздувает в печи
потухшие угли.
И снова мелодии ночи,
по пояс в него погружаясь,
становятся старыми картами
в терпких упрямых ладонях.
Так, ночи насквозь,
Тень и Творец сидят за пасьянсом,
слыша, как в окна стучатся чернильные воды.
Как пустота летит из трубы
разноцветными кольцами дыма.
И ночь наметает
звёздный сугроб
перед входом.
Тень и Творец
смотрят мультифильмы
на стенах.
Огонь расскажет о том,
что было не с ними.
И, если утро сверстает
карту новой дороги,
значит – нынешней ночью
пасьянс опять не сложился.

созвездие динозавров

Так смотрит вниз пустая паутина
рассыпчатыми карими дождями.
В них свет янтарел совсем недавно,
когда стручок Луны совсем усох.
В земле трепещут тени динозавров
и просят пить, вытягивая шеи.
И шелестят, под ветром распускаясь,
где пристально цветёт чертополох.

На радужный засов закрылось небо.
Сомкнулись глухо облачные створы.
Мгновением янтарным наполняясь,
потрескивают угли в очаге.
Так бьются озёмы выгревшие капли,
когда несут в себе огонь и ветер.
И, оживая, плещут динозавры
хвостами по мерцающей реке...

Несбыточные сны пускают корни
и песнями протяжно вырастают.
Когда настанет время урожая –
они прильнут к Пастушеской Звезде.
Звезда уводит за собою темень
в заоблачное стадо динозавров
кочующих, печальными глазами
внутри себя дорогу разглядев...

вагоновожатый

Ветер разносит письма по выбывшим адресатам.
Вороны в серых жилетах важничают в траве.
Погонщик трамваев опять ведёт караван куда-то,
и паутинка трепещет на мятом его рукаве.

В мятных его глазах обитают столицы мира.
Туда он очень хотел бы, но ему не повезло –
куда бы он ни пошёл, за ним пустая квартира,
голодная кошка и безумно надоевшее ремесло.

Трамваи его встречают тихим и нежным звоном,
он знает все их приметы и всем даёт имена.
Он выглядел бы вполне симпатичным определённо,
если бы не сидел всю ночь напролёт у окна.

Невеста его сбежала к туристическому агенту.
А у него остались путеводители городов,
где он никогда не будет – ни в Токио, ни в Сорренто,
ни даже в Тихопропашенске,
где ни рельсов, ни проводов...

прометей из хрущоб

Стоя на кухне, плевал в форточку.
Думал, со временем станет легче.
Но – если закрыт отдел вино-водочный –
орёл прилетает клевать печень.

А ты гостю любому радёшнек.
Улыбка дежурная – здравствуй, птичка!
Но если вокруг все такие хорошие,
значит, пора менять привычки...

Жизнь, похожая на кубик Рубика.
Солнце, круглое, как сковородка.
Паста червём выползает из тюбика.
Бритва дрожит у подбородка.

А в окошке, засиженном мухами,
зришь драму, достойную «Оскара» –
мусорный бак, набитый старухами...
Участковый, дубасящий недонаоска...

И это значит – жизнь продолжается,
на чахлых деревьях проклонулись почки.
Почти не лает и не кусается
чудище на хромосомной цепочке.

Оно изыдет из жерла подъездного,
в синее небо задвинет матом,
расправит крылья свои железные,
держа под мышкою мирный атом.

А ты носом прилипнешь к форточке
в малогабаритной своей квартире.
С орлом опрокинешь ещё по стопочке
за мир во всём непутёвом мире.

За все нерождённые поколения.
За дело, в котором давно сомневаешься.
Крикнешь: «Падла! Стоять, мгновение!»
И птичка вылетит. А ты – останешься.

астрономия волков

Над влажной землёй по ночам повисает список –
высокая табель о рангах и расписанье судеб.
А люди видят лишь посевной календарь о высаживании редисок,
прочей полезной овощи и всяческой ерунде.

Суровое знание не даётся кому попало,
накрепко запечатанное в жёлтых волчьих глазах.
Осенью шуршащие волки ходят по звёздам пальм
и плачут. Но мир не догадывается об их слезах.

Они внимательно смотрят на истекающий месяц,
как из ковша проливаются серые волчьи дожди.
Волки воистину знают, что мир этот слишком тесен,
как тесно жгучему вою, рвущемуся из груди...

брошенная лошадь

Горизонт выверен ростомером тополя.
Синие окраины сплющены тоской.
Проплыvает песенка за пустыми окнами.
Лошадь неумелая щиплет сухостой.

Лошади без всадника никуда не хочется.
Всё ей, бедной, кажется, что труба зовет.
Пылью и окалиной пахнет одиночество.
Ускакала конница в яростный поход.

Только лошадь старая, никому не нужная,
иноходец, брошенный на пустой меже,
бредит славным подвигом, бредит доброй дружбою,
а сама проваливается в Родину уже...

На полях потоптанных, на костях обглоданных
вольно только ворону выплесать узор.
Потому что Родина, как и лошадь, продана.
В чёрной канцелярии зреет приговор.

Только лошадь пегая знать о том не ведает,
ждёт, когда покажутся сводные полки.
За пустыми хатами, звёздами, кометами,
всадник угостит её сахаром с руки.

Потому стоит она на траве некошеной.
Клином свет безжалостный сходится на ней.
Поднимите головы – брошенные лошади
уплывают в прошлое в поисках людей.

парад победы

Блуждающий пух тополей.

Неспокойные души
проплыvают сквозь пьянький Город,
везде опоздавший,
растерянно свесивший в травы
буйную голову...

Пух ангелов, выпавший
из-за авитаминоза.
Им так не хватает
добра и людского неравнодушия...

Несбыточные паруса
кораблей, уходящих с рассветом
на чёрные скалы...

Пух жертвенных агнцев,
молчащих печально и кругло
своими глазами,
пока руки Каина
делают общее дело...

Светлячковый медленный вальс
после долгой дороги...

Пух тополей,
светлый парад угасшего майского дня,
День Победы.